

Дмитрий Хворостовский: "Я хочу вернуться в Россию"

Певец родом из Сибири с редким по глубине, несколько глуховатым, но с удивительной широтой дыхания лирическим баритоном, лауреат международной премии "Золотой Орфей", обладатель присуждаемого Би-Би-Си статуса лучшего баритона мира, народный артист Российской Федерации. Живет с семьей в Лондоне. В России дает благотворительные концерты, которые вызывают ажиотаж, сравнимый с атмосферой, царящей на концертах поп-звезд. Личность яркая, ищущая, экспериментирующая.

П.М.: Дмитрий, вы считаете, что уже достигли пика своей карьеры?

Д.Х.: Я не знаю, где моя Джомолунгма. Стараюсь об этом не думать. Мир, в котором я живу и работаю, настолько богат и велик, что, по-моему, достичь такой вершины невысказимо. Надо просто стремиться к этому.

П.М.: О чем мечтал Дима Хворостовский в детстве?

Д.Х.: О многом. Мечтал быть футболистом, хоккеистом. Я просто до одурения пинал в стенку мяч, отрабатывая разные приемы и приводя в ужас маму и папу. Но сколько я себя помню, я всегда занимался музыкой и хотел стать музыкантом. Пел в хоре музыкальной школы. У меня очень рано началась ломка голоса, и папа настоял, чтобы меня из хора отпустили. А через два года, в четырнадцать лет, я начал выступать с рок-группой. Отец возмутился: "Что же ты делаешь? Почему ты не бережешь свой голос? Ведь это - единственное, что у тебя есть!" Увлечение рок-музыкой длилось всего два года. Мой голос рос и уже не умещался в рамки рока. Я поступил в дирижерско-хоровое училище и занялся пением серьезно.

П.М.: Вы родились и выросли в Сибири и для иностранцев воплощаете в себе образ русского богатыря. Вас часто спрашивают о сибирских медведях?

Д.Х.: Попадешь в какой-нибудь штат Техас, и кто-то из фермеров обязательно спросит об этом. Но я думаю, люди просто шутят.

П.М.: Как Дмитрий Хворостовский расслабляется?

Д.Х.: Отдыхаю я по-разному: занимаюсь спортом, бегаю, плаваю, купаюсь... Встречаюсь с друзьями и устраиваю застолье. Особенно часто это происходит в России или с русскими друзьями. Потому что для них застолье - обычная форма приветствия.

П.М.: А для голоса это не вредно?

Д.Х.: Вредно. Вообще противопоказано.

П.М.: Вы довольны своей физической формой? Многие певцы прибавляют в весе. Вам это не грозит?

Д.Х.: Грозит. Я поправился и считаю, что свой вес уже набрал. Поэтому постоянно держу себя в форме.

П.М.: Артисты крупного телосложения часто говорят, что большой вес необходим им для поддержания голоса.

Д.Х.: Отчасти это справедливо. Обычно большие люди имеют большие голоса.

П.М.: Вы умеете пользоваться чужим опытом?

Д.Х.: Иногда приходилось. Но я из тех, кто учится на своих ошибках. Поэтому с детства уже набил много шишек.

П.М.: А чему вас научила Англия?

Д.Х.: Да чему же она может меня научить? Я там практически не живу. Там живет моя семья, и я приезжаю туда очень редко. Я плохо знаю Англию, хотя теперь уже могу различать диалекты. В этом смысле английский язык очень интересный.

П.М.: Про вас можно сказать, что однажды вы проснулись знаменитым. Это случилось после конкурса, который транслировался на весь мир компанией Би-Би-Си в 1988 году. Что вы чувствовали в то утро, когда, по вашему признанию, телефон буквально разрывался?

Д.Х.: Головную боль - у нас была пьянка до четырех часов утра. И больше не чувствовал ничего. Сел в поезд и поехал в Лондон. Вечером вышел погулять по Ковенгардену. Меня окликали люди, трогали за плечо, жали руки, поздравляли... Вот тогда я что-то начал понимать. Я плохо осознавал, что именно произошло. Думал, что это очередной конкурс, на котором я должен был победить и победил. То, что он транслировался во многих странах, меня мало волновало. И это очень хорошо: иначе я стал бы нервничать, волноваться и наделал бы каких-то ошибок.

П.М.: Как вы нашли Марка, своего нынешнего продюсера?

Д.Х.: Это большая удача. Он мой ровесник, величайший эксперт по части русских артистов. Но, точнее говоря, не я его, а он меня нашел. Нас познакомила член жюри конкурса, проходившего в Лондоне, Ирина Константиновна Архипова. Это случилось после первого тура. На этом конкурсе в конце каждого дня определялся победитель, и ему вручалась маленькая хрустальная ваза. Мне вручили этот сувенир и пригласили в кафе, где за большим круглым столом сидели все члены жюри. Когда я вошел, они встали и зааплодировали. Этого я не ожидал. Там мы с Марком и познакомились. Он выразил желание работать со мной и через переводчицу сказал мне об этом. Я плохо понимал, о чем идет речь, и понимать не собирался. Мы ничего не подписывали и не договаривались. А потом Марк буквально завалил меня предложениями, контрактами...

П.М.: В одном из интервью вы сказали, что жизнь в России не была для вас безоблачной. Это и стало причиной того, что вы уехали?

Д.Х.: Нет. Я семейный человек и несу ответственность не только за себя. Когда моя семья жила в Москве, чувство тревоги за моих близких действительно не покидало меня. Мы вынуждены были иметь шофера, который возил дочку в школу. Случались у нас и кражи. Но не это стало причиной нашего исхода из страны. Переезда потребовала моя карьера, моя жизнь. Именно моя. Я, кстати, очень жалею, что уехал. Я тоскую и разрываюсь. И эта ностальгия никак не проходит.

П.М.: Кто помогает вашей жене воспитывать детей и вести хозяйство?

Д.Х.: Няня. Сейчас у нас живет девятнадцатилетняя девочка из Южной Африки. Чудесная девочка. Дети в ней души не чают. Она работает с понедельника по пятницу. Суббота и воскресенье для моих детей - черные дни. Чем бы мы с женой с ними ни занимались - все не то. Так что в этом случае я уже сам испытываю чувство ревности. Хотя, с другой стороны, я счастлив, что у моих детей есть такая няня.

П.М.: Ваша жена больше не танцует?

Д.Х.: Нет, конечно. Уже поздно. Я счастлив, что ее балетная карьера завершилась. Труд балерины очень тяжел. В семье должен работать кто-то один - или муж, или жена. Но не оба.

П.М.: Как зовут ваших детей?

Д.Х.: Даниил и Александра. Даниил в русском эквиваленте - Данила. Мы с женой как-то вычислили, что среди Данилок не было плохих людей. С этим именем мы попали в точку - оно как нельзя лучше подходит моему сыну.

П.М.: Выбор репертуара диктуется прежде всего голосом. Чтобы его не сорвать, от чего-то нужно отказываться. Видимо, вам тоже приходилось говорить слово "нет"?

Д.Х.: Вся моя карьера построена на слове "нет". Особенно в самом ее начале. Тогда я почти все время отвечал: "нет", "нет", "нет" и "нет". А столько было великих соблазнов!.. Сейчас тоже приходится отказываться, но делаю я это значительно реже. В 35-36 лет уже можно позволить себе экспериментировать. Я начинаю пробовать, но осторожно, как кошка пробует лапкой воду.

П.М.: Каковы ваши пристрастия?

Д.Х.: Свиридов, Чайковский, Рахманинов. Эти композиторы проходят через всю мою творческую жизнь. Говорят даже, что музыка Чайковского получается у меня лучше всего. Не лучше всех, а лучше всего. Это приятно, так как его музыку я исполнял с детства. Играл на рояле, дирижировал. Очень люблю Верди, Доницетти, Малера. Скоро к ним прибавятся Брамс, Шуман, Шуберт. Я постепенно расширяю творческие рамки и перехожу на немецкий репертуар. Когда-нибудь, может быть, будут Вагнер и Шенберг. Мой голос ни в коем случае нельзя назвать принадлежащим немецкой певческой школе. Тем не менее он, кажется, звучит достаточно хорошо. Просто это дело определенной подготовки.

П.М.: Я знаю, что вы были очень близки со Свиридовым. Вы тяжело пережили его смерть?

Д.Х.: Тяжесть необычайная. Я знал его очень хорошо. Мы не так часто встречались, но каждый раз, покидая его, я с ним мысленно прощался. Он постоянно стоит перед моими глазами - живой, веселый, талантливый. Если бы он не был композитором, он стал бы великолепным писателем. Это человек уникальной эрудиции, уникальной жизненной памяти. Они с женой Эльзой Густавовной составляли удивительную пару. Оба сильные, яркие, они не подавляли друг друга, а дополняли. И ушли друг за другом.

П.М.: Вы верите в астрологию, в гороскопы?

Д.Х.: Я не нахожу там подтверждений своей жизни. Относительно судьбы у меня немножко другие понятия.

П.М.: Вашей жизнью руководит случайность или какие-то закономерности?

Д.Х.: Закономерности. Все зависит от того, сколько ты отдаешь и сколько получаешь. Очень важна в жизни и удача. Эта госпожа улыбается тому, кто умеет быть в нужное время в нужном месте.

П.М.: Что бы вы взяли с собой на необитаемую планету?

Д.Х.: CD-плеер. Тосканиниевские записи пятидесятых годов, несколько опер, которые он записал и которые, я считаю, являются шедеврами. Высоцкого бы взял. Я слушаю его нечасто, но с упоением. Для меня Высоцкий представляет собой какой-то есенинский идеал. Есенин, Моцарт... Это своего рода гении.

П.М.: Если бы вы писали анималистический автопортрет, кем бы себя изобразили?

Д.Х.: Серым волком.

П.М.: А в какой цветовой гамме?

Д.Х.: В яркой. Черно-красной.

П.М.: О чем вы мечтаете?

Д.Х.: Я хочу вернуться в Россию.

Павел МАКАРОВ.